

**КАЗАНСКИЙ
МУЗЕЙНЫЙ
ВЕСТИК**

№ 1—2 1921 г.

КАЗАНСКИЙ
МУЗЕЙНЫЙ ВЕСТНИК.

ИЗДАНИЕ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ
Т. С. С. Р.

№ 1-2.

(Специальный выпуск, посвященный Народам Востока).

КАЗАНЬ.
Первая Государственная типография.
1921.

Заметки о народном кукольном театре сартов.

Одиннадцать лет тому назад, работая в области турецкого (османского) фольклора, я остановил свое внимание особенно на народном кукольном театре, результатом чего была моя статья „Турецкий театр Карагбз“, помещенная в „Живой старине“ 1909-10 г.г. В последнее время, благодаря моим занятиям в Этнографическом Отделе Русского Музея (бывш. Александра III) и в связи с читанным мною в истекшем учебном году в Петроградском университете курсом „Турецкий народный театр“, мне снова пришлось вернуться к этому вопросу, но на этот раз подойти к нему более широко, не ограничиваясь одним османским театром. В частности был затронут и кукольный театр сартов. Тут я натолкнулся на два любопытных явления — скудость литературы и обилие материала: последнее даже в самом Петрограде. Действительно, сартовским кукольным театром мало интересовались даже специалисты; на крайней мере, мне осталось неизвестно, имеется ли что-нибудь кроме немногих статей или, вернее, заметок некоторых местных туркестанских этнографов и проф. А. Н. Самойловича (в Изв. Русск. Комит. по изуч. Ср. и Вост. Азии, Живой Старине, Зап. Вост. Отд. Русск. Археолог. Об. и Вестн. Об. Востоков.). Между тем в Русском Музее оказалось в архиве довольно много различных записок, а в сундуках и витринах богатая коллекция; и то и другое, по разным причинам, было до сих пор не опубликовано, — да это, впрочем, и не входит в задачи музея. Хотя сартовский театр и не составляет предмета моей ближайшей специальности, но мне, как туркологу-этнографу, показалось заманчивым восполнить пробел и, пожалуй, непростительным не воспользоваться имевшимся в моем распоряжении материалом. Поэтому я решил поделиться своими сведениями, но озаглавил их заметкой, т. к. настоящая статья, разумеется, не может претендовать на что-нибудь цельное, законченное. Прежде всего я никак не мог достать пьес, без чего, конечно, картина остается лишь эскизом. Затем, и что самое главное, разбирая коллекции и приглядываясь к различным деталям, невольно вспоминаешь свои прежние занятия Карагбзом; припоминаешь те параллели и перспективы, которые вырисовыва-

лись тогда на почве возможных заимствований с Запада и Востока; тут снова выплыли эти возможности, но я бы сказал еще более затуманенные. Все вместе это дает чрезвычайно сложный узор, в котором пока нельзя разобраться. Даже наметить предварительные вехи исследования возможно будет лишь по сравнении репертуара. Вот почему пока я ограничился общей заметкой о театре и описанием устройства сцены и кукол. Думаю, что это будет полезной лептой в деле изучения турецкого театра.

Для наглядности приложены снимки с двух шкапов Русского Музея, также схематический чертеж выставленных в них предметов. При дальнейшем описании—ссылки на №№, показанные на чертеже.

Кукольный театр у сартов бывает двойкий:

„Кол-Курчак“ (коурчак, кугурчак)—„ручные куклы“ и „чадыр—(и)—хьяль—„палатка представления“. И тот и другой постепенно исчезают уже из народной жизни, вытесняемые настоящим театром и кинематографом. Лет 15—20 тому назад это было еще любимой народной забавой без различия социального положения зрителей. Теперь же, если и попадается еще „чадыр-хьяль“ в больших городах, то чтобы встретить „кол-курчак“, нужно отправляться в глухую провинцию.

Как указывалось уже и в европейской и в русской специальной литературе, на турецко-османском кукольном театре, так называемом „Карагёзе“, столь распространенном в Средней Азии, на Балканах и в Египте, влияние Дальнего Востока, в частности Китая, сказалось главным образом в том, что это театр теневой, в сартовском театре это влияние отразилось иначе, а именно на куклах, о чем речь будет дальше при описаниях.

Это театр не теневой, а обыкновенный кукольный, родной или, во всяком случае, двоюродный брат Петрушке, полишинелю, пульчинелле, Ганс-вурсту и т. п. На нем заметно *скрестились* влияния Персии, как и следовало ожидать, с одной стороны, и Западной Европы, с другой; каким путем последнее, в глубине ли веков через Византию, Сирию, Малую Азию, или в последнее время через того же Карагёза, опять таки измененного персидским элементом, — все это вопрос открытый. Наконец, самое последнее наслоение весьма заметное, как наиболее свежее, это—влияние русское; оно сказывается и в названиях, и в ролях кукол и, разумеется, в материалах.

В общем надо сказать, что „кол-курчак“—это копия нашего Петрушки, тогда как „чадыр-хьяль“—театр марионеток. Расскажем устройство и того и другого.

„Кол-курчак“ (кол—рука, курчак—кукла), как и наш Петрушка представляет собою театрик, спектакли которого даются днем

на площадях и улицах, походя; артист „курчак-баз“ (баз—игрок, артист), управляющий куклами и говорящий за них, тоже один. Вместо наших ширм, тут на самого артиста надевается нечто вроде мешка, называемого „кол-чадыр“ или „бель-чадыр“ (чадыр—палатка, отсюда наше шатер; бель—поясница, талия). Мешок этот (см. рис. 10; рядом в свернутом виде) обычно из легкой красной или полосатой материи, ситца, иногда на подкладке, состоит из двух кусков: переднего, около 1,5 аршин длиной, и заднего гораздо длиннее; нижний конец завязывается вокруг талии артиста, откуда и название, задний спускается; чтобы получилось наверху прочное отверстие, верхние концы укрепляются на четырехугольной, складной деревянной раме, как это видно на рисунке; рама иногда украшена резьбой или бахромой; для устойчивости во время представления и для свободы рук курчак-база рама поддерживается планками, упирающимися внизу в его кушак и наверху в раму. В таком виде туловище, голова и рука курчак-база скрыты от публики в своего рода ширме, откуда он показывает куклы; низ туловища и ноги свободны, почему курчак-баз во время представления может передвигаться.

Рядом с курчак-базом находятся музыканты, играющие на различных инструментах. Состав оркестра может варьироваться, но четыре инструмента являются необходимой принадлежностью: труба, кларнет, бубен и барабан. „Карнай“—громкая медная трехколенная труба (рис. 13), длиной около сажени, издающая дикие, ревушие звуки; ее роль—привлекать внимание ротозеев и звать публику. „Сурнай“—инструмент, похожий на кларнет (рис. 14): деревянный с металлическими ободками и мундштуком; восемь клапанов; язычок в мундштуке соломенный; сурнай ведет мелодию. „Чарманда“ (чильмандра)—обыкновенный бубен (рис. 11); „Нагара“—парный барабан; глиняные горшки, связанные между собою, обтянутые кожей и обмотанные веревками (рис. 12). К числу инструментов можно, пожалуй, отнести и „сапиль“—деревянную пискульку с соломенным пищиком (едва видно на рис. 27); она вставляется в рот, отчего голос артиста получается гнусавый, по временам свистит и шипит, что составляет особую прелесть, вызывает восторг у зрителей и что так знакомо и в нашем Петрушке.

Представление длится различно в зависимости от сбора и импровизации автора-артиста. Платы особой нет; берут, что дают. Как самому спектаклю, так и каждому явлению кукол предшествует обычно какая-нибудь мелодия, сопровождаемая песенкой, исполняемой тем-же курчак-базом; в этом несомненное сходство с Карагёзом. Репертуар довольно разнообразен, но, как было уже раньше сказано, его мы касаться не будем. Непременным элементом всех пьес сартовского кукольного театра, будь-ли то куль-курчак или

чадыр-хьяль, является порнография, доходящая до чрезвычайности; это роднит его опять-таки с Карагбзом, хотя, впрочем, до известной степени это свойственно вообще всякому народному театру, но все-таки, пожалуй, не в такой мере.

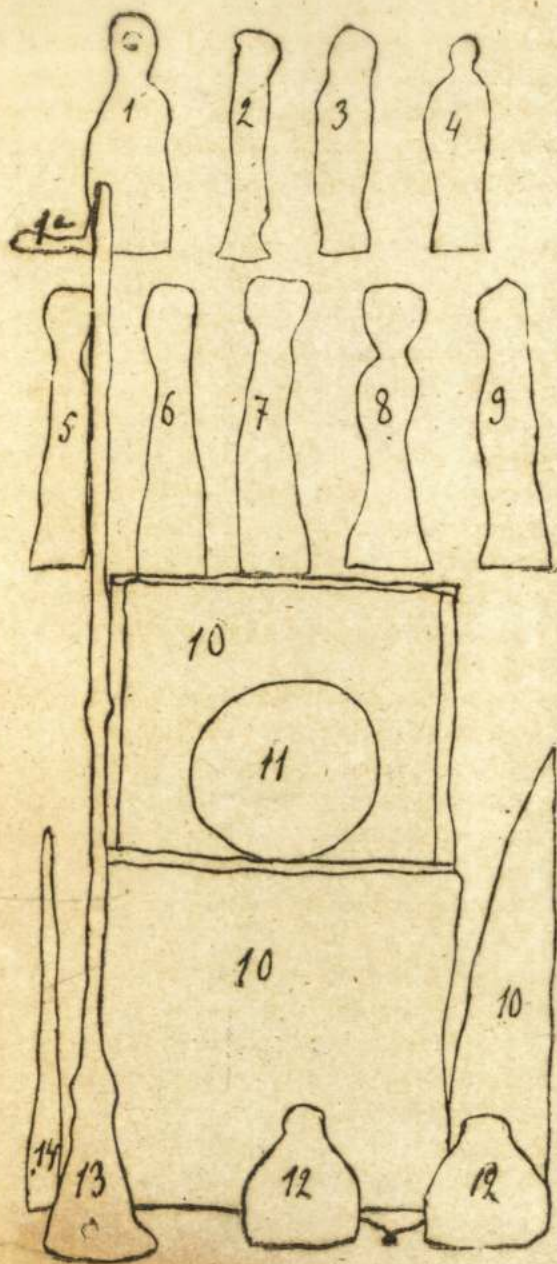
В зависимости от пьес, исполняемых тем или другим курчабазом, изменяется и состав коллекций его действующих лиц. Обычный запас хорошего кул-курчака около 50 кукол.

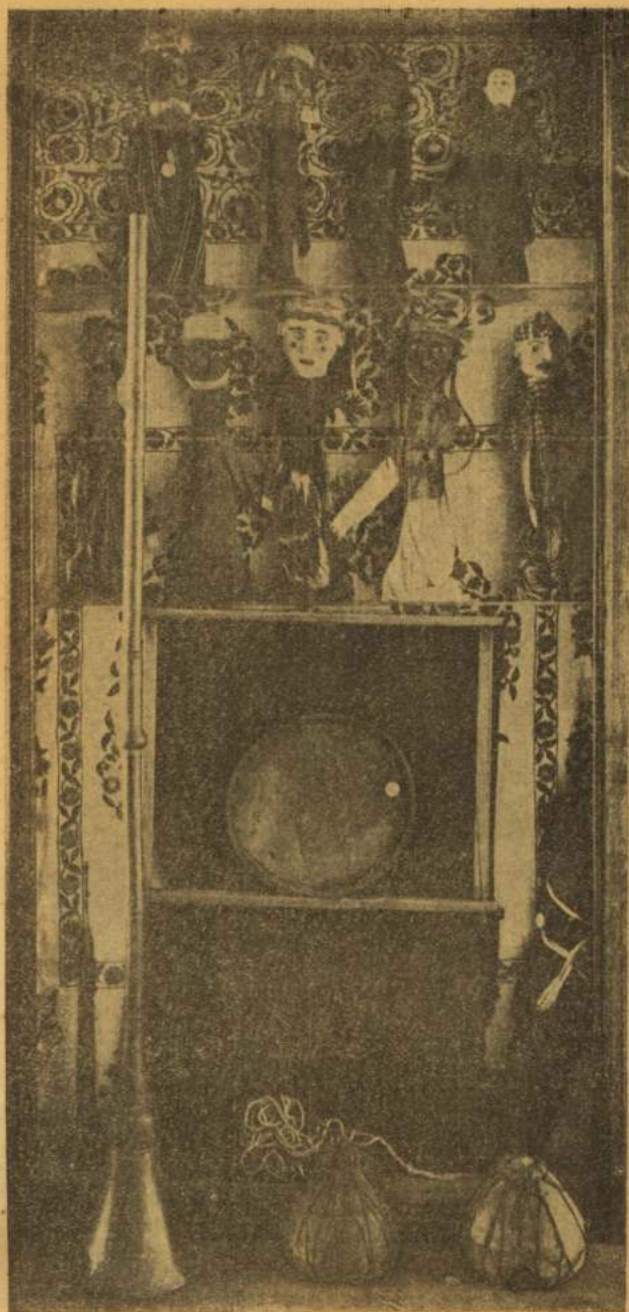
Куклы кул-курчака, длиной около $\frac{1}{2}$ аршина, иные меньше, иные немного больше, внутри пустые; они состоят из головы и костюма, по большей части с рукавами; таким образом они могут надеваться на кисти руки, причем средний палец входит в горло для управления головой, а другие в рукава для действия руками куклы.

Главное действующее лицо—„Палван-кечель“ (палван-персид. пехлеван-богатырь, кечель-лысый, паршивый) плешивый, силач и борец (рис. 4). Плешивость героя свойственна не только сартам, она встречается напр. и у киргизов (см. Образцы народн. литер. тюрк. племен Радлова, т. III). Грубо вытесанная деревянная голова, лицо смуглое, румяное, нос горбом, большой, длинный; виднеющиеся из-под шапки остатки волос, брови, усы, глаза, иногда борода—смугло-черная; черные глаза изображены обыкновенно вставленными крупными черными бусами. Полная параллель герою османско-кукольного театра Карагбзу (Кара-черный, гбз-глаз), тоже богатырю; по крайней мере, того тоже часто называют „пахлеван“. По большей части в яркой рубахе—малиновой или желтой; шапка часто с меховой оторочкой.

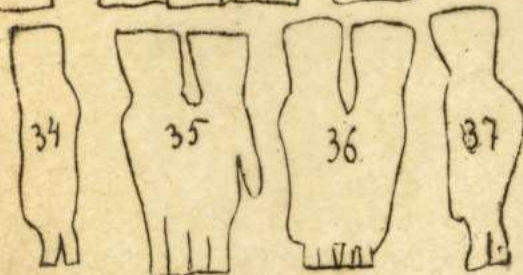
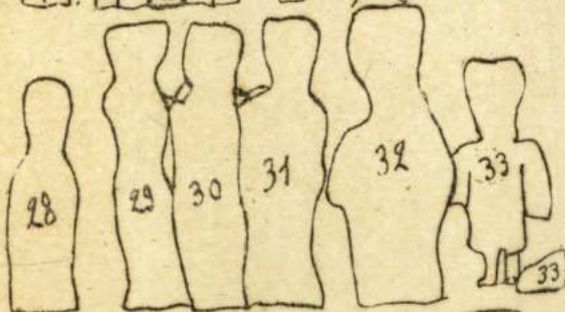
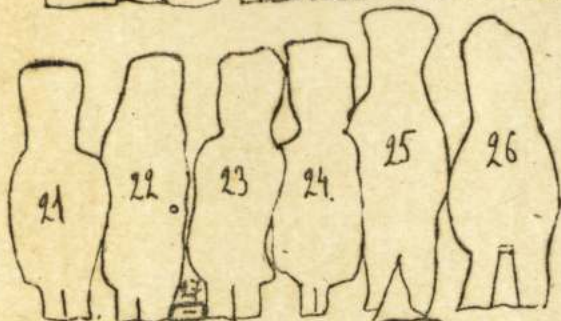
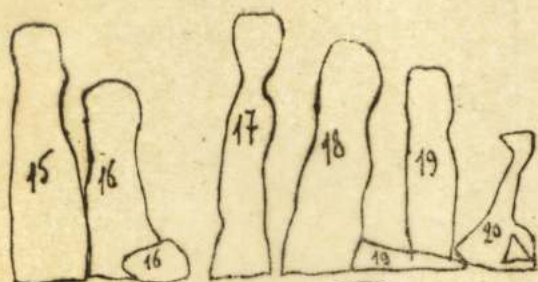
Его жена, или подруга, или любовница, или пособница—Айим, Айимчахан (Айим—женщина, супруга), Биче, Пуча, Фуджа—хан (Пуча и Фуджа из Биче—жена, женщина) (рис. 9). Голова деревянная; лицо белое или желтое, но непременно румяное; черные брови и глаза; иногда раскрыт рот и видны белые зубы; в ушах бывают серьги. Меховая шапка или яркая повязка, спускающаяся сзади до талии, или род чепца. Зеленая или красная рубаха или иногда с позументом.

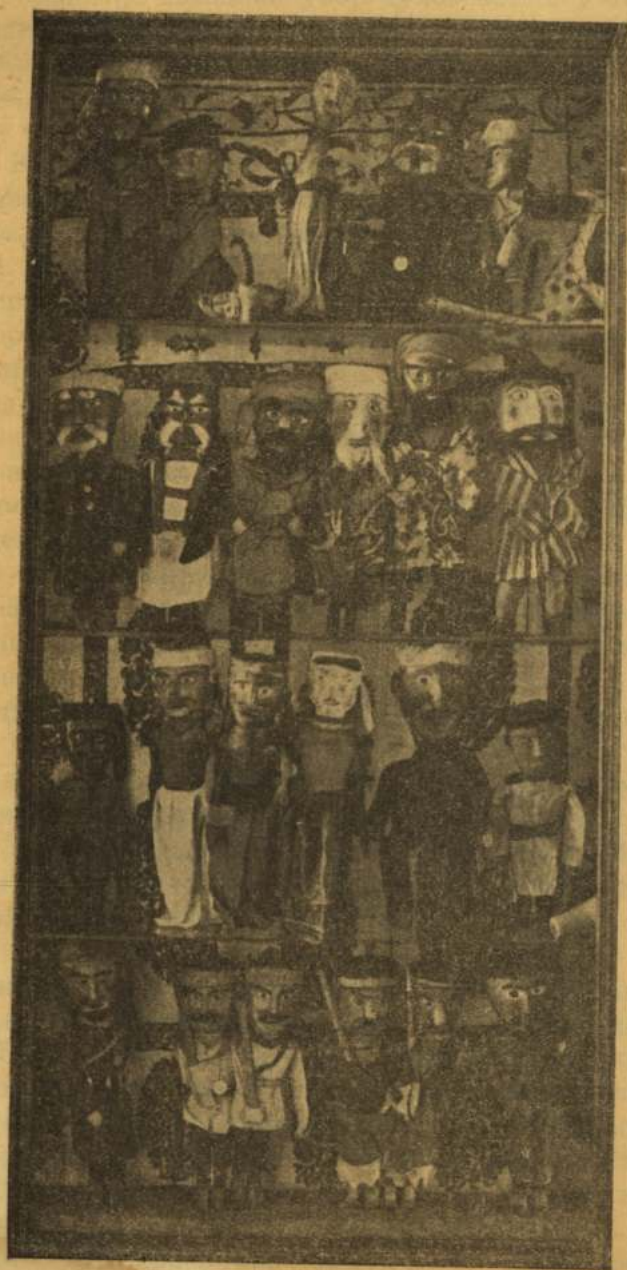
Третий персонаж—„Ир-Назар-Маймунчи“ (ир—муж, мужчина, герой; Назар—и. с.; маймунчи—обезьянщик от маймун—обезьяна (рис. I и сбоку 1-обезьяна)), поводырь обезьяны. Большая кукла с деревянной головой. Лицо смуглое, румяное, глаза и брови черные; усы и борода—тоже или седые. Меховая шапка; темный, длинный халат, иногда полосатый; на цепочке часы или медальон. Подле него на веревке обезьяна; большей частью одна голова страшного вида, обклеенная шерстью; морда коричневая или красная, глаза из бус, брови шерстяные; пасть оскалена, и видны деревянные зубы; на шею непременно колокольчик всегда русского производства.

я
и
на
на
с
е;
ый
де
ого
лаа
уби

Чисто-бытовой тип, необходимая принадлежность кол-курчака—„кукнари“ (пьющий „кукнар“—настойку из мака (рис. 2), пьяница, опиумоед; ближайший друг тираки или терьяки в османском театре Карагёз, с тою только разницей, что тираки-опиумоед, курит опиум и хашиш, а кукнари пьет его в виде водки (хотя на турецком языке табак тоже не курят, а „пьют“). На голове белая чалма—мусульманский головной убор духовенства; у тираки тоже убор духовного образца—фес обвязан непременно повязкой—сарыком. Лицо темное или серое, черные, выпученные глаза (срв. тираки); усы и борода черные (срв. тираки) из мерлушки или шерсти; иногда седые из того-же материала. Желтый или зеленый (срв. тираки) халат. В общем тип несомненно туземный, не без карриатуры на „староверов“ (срв. у тираки длинная старинная трубка).

„Бек-Назар-Карнайчи“—музыкант на вышеописанном инструменте карнай. Кукла в меховой шапке; черные глаза, румяное лицо; длинные, черные книзу усы из шерсти; ситцевая серая рубаша, в рукав которой вставлена труба из сахарной синей бумаги, изображающая карнай.

Далее идут представители различных национальностей. Вот русский мужик Абрам—„Абрам мужюк“, по пьесе обязательно пьяница; черная матерчатая шапка, иногда с красным дном; курчавые из шерсти борода и короткие усы; малиновые щеки и рот; розовая ситцевая рубаша.

Богатый индус—ростовщик „Бай-хинди“ (бай—богатый, хинди—индус) в шапке с меховой оторочкой, длинная белая с узором юбка—рубашка; продолговатое, узкое, темное лицо, горбатый нос, желтые стеклянные глаза.

„Борух-джугут“ (рис. 6), как показывает само имя Борух, представляет еврея (джугут—еврей); имеет много общего со своим соплеменником в театре Карагёза. Белая, с желтой каймой, ермолка; темное лицо (срв. иехуди), зеленые глаза, длинный крючковатый нос (срв. иехуди), раскрытый рот с выпяченными губами (тоже), из-под шапки за ушами торчат пейсы (тоже); подбородок заклеен белой овчиной, изображающей седую бороду; длинный синий кафтан (тоже).

Обратимся теперь к женским ролям. Самые многочисленные—это всевозможные танцовщицы туземного происхождения и легкого поведения. Вот, напр., „Кумру-хан“ „Госпожа-голубка“ (рис. 4) (кумру—горлица) с фарфоровой или из папье-маше головой; бархатное фиолетовое покрывало (иногда шляпа), сзади красное, длинное до пят; почти всегда на шее бусы; иногда на висках особые бляхи; черные волосы заплетены сзади мелкими косичками; желтая или зеленая блуза; на конце рукавов бубенчики.

Ее подруга или соперница—„Туты-хан“—„Госпожа-Попугай“

(рис. 3), с темным, но веселым, лицом. Костюм до мелочей (бусы, бубенчики, цветы) похож на предыдущую; неизменная особенность — медная круглая подвеска в одном ухе.

Есть еще другие типы танцовщиц: с набеленным и нарумяненным лицом, подведенными бровями и глазами из голубых бус, в пестром костюме из бухарского шелкового платка (рис. 7); или темнокожие с черными глазами; волосы заплетены в мелкие косички спереди и сзади, в голубой рубахе и парчевой безрукавке (рис. 8); у обеих танцовщиц на шее нитки коралла.

Туземных сартовских женщин изображают следующие куклы: „Карнайчи-хатуны“ — „Жена карнайчи“ (музыканта; см. выше) — кукла с фарфоровой, русского производства, головой, в меховой шапочке; на висках медные бляхи; разноцветное платье с бархатным нагрудником; на рукавах бубенчики.

„Иетим-кыз“ — „Сирота-девица“ — кукла с глиняной головой, в меховой шапке; волосы заплетены в косу; кумачевая рубаха.

„Аим-Хан“ — „Хозяйка-барыня“ (не смешивать с женой Палван-Кечеля) — старуха, хозяйка дома. Фарфоровая (русская) голова в черном уборе с меховой оторочкой, иногда в шляпе; волосы украшены кисточками; на шее нитка бисеру; прямая полосатая рубашка.

Киргизские женщины фигурируют в виде двух кукол: „Бай-сеидкызы“ и „Тюря-Гельди-кызы“ (кыз — дочь). Обе куклы с фарфоровыми головками, в меховых шапочках, с бляхами на висках, на шее бусы, на руках бубенчики, часто меховые обшлага и бархатная безрукавка. Любопытно то, что эти куклы с претензией на портретность — они изображают дочерей двух известных в крае киргизов, управителей волостей. По слухам, эти две куклы фигурировали, потихоньку от русских властей, для изображения русских дам вообще, но курчак-базы это тщательно скрывают и отрицают.

Также русские женщины представлены тремя куклами. Жена вышеупомянутого мужика Абрама — голова деревянная, покрыта шелковой повязкой, сзади длинная красная лента и волосы заплетены в косу; черные брови, желтые глаза; малиновый рот и щеки; юбка розового ситцу.

„Айлык-кыз-Ляля“ и „Айлык-кыз-Шура“, т. е. Ляля и Шура, русские девушки — прислуги (айлык — служащий помесечно) — маленькие куклы с фарфоровыми головками, в меховых шапочках и желтых юбках.

Таков вкратце незатейливый инвентарь кол курчака, имевшийся в нашем распоряжении.

Театр „чадыр-хыаль“ и по постановке и по задачам более сложный. Куклы у него, как увидим, сплошь и рядом изображают исторических лиц, имеют портретное сходство. Очевидно, он отчасти

является сатирой на те или другие явления жизни. В этом у него много общего с Карагбзом, где тоже, чтобы избежать стеснений цензуры, многое влагается в уста кукол.

В устройстве театра тоже есть черты сходства с Карагбзом, не говоря уже про самое название—и там и тут „хаяль“ (хьяль). В какомнибудь закрытом помещении, кофейне и т. п., редко на воздухе, устанавливаются подмости, а на них нечто вроде палатки или маленькой сцены с двумя занавесками—задней, из черного колленкора, длиной $4\frac{1}{2}$ аршина, шириною около 2 аршин, и передней, из пестрого разноцветного ситца, вдвое длиннее и шире задней. Обе устанавливаются на подпорках, горизонтальных и вертикальных; кроме того, над передней веревка. Куклы появляются или сверху или снизу, управляются веревочками или шестиками, иногда на проволоках. Спектакль происходит обыкновенно вечером, и сеанс длится часа три. Есть определенные места, и впуск производится по билетам за определенную плату; вероятно, билеты—новшество. Сбоку пристраиваются музыканты, причем состав их не ограничивается инструментами, перечисленными в кол-курчаке; иногда составляется целый оркестрик. Как и в кол-курчаке, пьесе и явлениям предшествуют мелодии и песни. Количество кукол, потребных для хорошего репертуара, колеблется от 60 до 100. Самые куклы значительно крупнее и сделаны лучше, т. к. у них имеются и руки, и ноги, чего в кол-курчаке не требуется. Кроме того, состав кукол и их роли значительно сложнее. К сожалению, на них сильно отражается современность; и уловить на куклах чадыр-хьяля какие-нибудь старые пережитки трудно, хотя, вероятно, легкий остаток заметен. Встречаются некоторые старые наши знакомые по кол-курчаку.

Так напр. „карнайчи“ (рис. 19)—деревянная кукла с полую головой в белой шапке; лицо коричневое, глаза—зеленые бусы. Голубая с синим воротником рубаха, красный пояс, штаны из кумача. Возле него лежит его жестяная в медной оправе труба—карнай.

„Ир-Назар-маймунчи“ (рис. 16)—деревянная кукла, голова из лапше—маше. Темно-синяя плисовая шапка; лицо коричневое, глаза зеленые, усы и борода из черной овчины. Желтый с черным полосатый, длинный ситцевый халат с кумачевым поясом. Держит в руке на веревке лежащую у его ног обезьяну—четвероногое, с человеческим лицом, животное; верхняя часть туловища обшита шкурой шакала, нижняя—красным сафьяном, на шее сафьяновый ошейник.

В параллель с „кукнари“ здесь имеется пьяница (рис. 17) „Рухсуда-батмаз“ т. е. „не погружающий душу в воду“, а в алкоголь, а также падающий лицом в уличную грязь. Кукла из тряпок с

деревянной головой в белой чалме (срв. кукнари в кол-курчаке и тираки в Карагбзе); лицо серое, пьяное, глаза полузакрты, наполовину выщипанные рыжие усы, длинная, тонкая шея, грязный из толстой материи халат, кумачевый пояс. В левой руке банка из под спиртного лака.

Затем следует целая серия танцовщиц. Одни уже известного нам типа кол-курчака: красная или розовая повязка на голове; черные брови и волосы, иногда заплетенные в косички; на шее бусы; безрукавка, отделанная позументом; шелковая или ситцевая рубашка и юбка. Но есть еще другой тип специально для чадыр-хьяля: куклы, соединены по три вместе (рис. 29, 30, 31). Это так называемые „Галя-кыз“—девицы легкого поведения. На голове белая или разноцветная, шелковая обычно, повязка; лицо набеденное, нарумяненное, иногда с мушками; глаза часто зеленые; волосы черные или накрашенные рыжие; яркая шелковая блуза, ситцевая или коленкоровая юбка.

Особенность персонажей чадыр-хьяля составляют куклы исторические или портретные. На первом плане стоит „Худаяр-хан“ (рис. 82). Худаяр—сын Шир-Али и отец Насир-ад-дина, предпоследний хан Кокандский, трижды всходил на престол—в 1845, 1862 и 1866 г.г., а в 1875 году ханство перешло к его сыну, при котором было присоединено в следующем году к России. Его изображает деревянная кукла в ярко—красной чалме; лицо желтое, глаза красные, стеклянные; черные волосяные брови, усы и борода; руки крестообразно сложены. Голубой с золотым позументом халат, подпоясанный широким бухарским кушаком; черные сапоги.

Рядом с ним его ближайший сподвижник „Иса-Аулия“, „Иса Святой“ и. с. (рис. 24). В белой чалме. Длинное, белое лицо с легким румянцем, глаза зеленые, седые усы и брови, бородка клином рыжая с проседью; руки скрещены на груди. Цветной с золотым позументом халат, зеленый пояс, на ногах черные сапоги.

„Афтабачи-Пучук“—„Подающий рукомойник—безносый“ (афтаба—рукомойник), его же придворный чиновник. Зеленая чалма; коричневое лицо, голубые глаза, усы с проседью, темнорыжая борода, приплюснутый нос, руки скрещены. Красный халат с золотым позументом.

„Абду-Гапар“ (или Гафар)—Бек“ и. с. владетельный князь из Ура-Тюбе (рис. 25). Малиновая чалма; темное лицо, черные глаза и брови; черные, курчавые, из овчины, усы и борода; руки скрещены. Ситцевый с разводами халат с зеленым воротником и голубой вставкой спереди; на ногах красные штаны и черные на каблуках сапоги.

„Шадман-Батыр“, киргиз по происхождению, тоже известная в краю историческая личность (рис. 26). Тряпичная кукла, голова из

папье-маше. На голове остроконечная шапка с красной кистью. Лицо розовое с румянцем, глаза зеленые; длинные усы и борода, черные, из волоса. Полосатый лиловый халат; лиловые коленкоровые штаны с красными лампасами.

Любопытна своей попыткой портретного сходства кукла „дохтур Батыршин“ (рис. 21), изображающая известного в Ташкенте военного врача из туземцев, доктора Батыршина. Круглая, низкая, военного образца, белая барашковая шапка. Красновато-коричневое лицо, зеленые глаза; седые брови, усы и борода, чёрный на распашку казакин, обшитый галуном, а внизу мундир с красным кушаком; черные форменные шаровары, высокие сапоги.

Совершенно особняком стоит фигура „Каусар див“ „Злой дух (демон)“ (рис. 33). Имеем ли мы здесь „кавшар“ или это отголосок „Қайсар“. Последнее было бы любопытно, как отголосок старины. Большая кукла с широкой деревянной головой, в меховой шапке с матерчатым верхом. Лицо темное, красные стеклянные глаза; огромный крючковатый нос; широко разинутая пасть, черная шерстяная бородка; черное, широкое, тряпичное туловище и такие же безформенные раскоряченные ноги.

Теперь перейдем к различным типам современной жизни.

Местные власти представлены стражником и сотником. „Ясаул-Юлдаш“—стражник (рис. 28). Деревянная кукла. На голове красная шапка с черной кистью; лицо красное, нос крючком. Одет в голубой мундир с галунами; белый с красным, полосатый кушак; зеленые шаровары и черные сапоги. В левой руке нагайка.

Сотник—„Сеидулла Юз-баши“ (Сеидулла—и. с.; Юз-баши—сотник) (рис. 34). Довольно жизненная фигура. В меховой шапке с красным верхом. Черные усы и борода; длинный, синий плисовый кафтан с галунами и желтыми погонами, красный кушак с металлическими украшениями; на груди персидская медаль и орден из золоченой бумаги. Через плечо на портупее справа висит шапка; левой рукой отдает честь под козырек.

Из других сословий есть, напр., дворник „Парраш (ферраш) Абдраим (Абдуррахим)“ (фарраш—метельщик). Мягкая тряпичная кукла; красная шапка и блуза; черные штаны и сапоги; в руках метла из прутьев.

Из мира ремесленников „Конгур-Бай кумурчи-аксакал“—Конгур-Бай и. с.; „старшина цеха угольщиков“, (кумурчи—угольщик; аксакал—старшина, собств. белобородый; ак—белый, сакал—борода) (рис. 15). В серой чалме. Лицо и глаза черные; усы, борода и брови из черной шерсти. Оранжевый, с позументами халат и голубой пояс; через плечо на портупее справа (опять) висит деревянная сабля.

Как уличные типы, примечательна целая коллекция дервишей-юродивых, весьма почитаемых на всем востоке. На нашей фотографии изображен один из них „Календер-диване.“ „Дервиш-юродивый“ (рис. 18). Рыжая матерчатая шапка с зеленым верхом—случайное ли совпадение с мевлеви. Мевлеви—орден дервишей, весьма распространенный на всем переднем востоке; они носят высокую рыжеватую шапку, и те, кто имеет право на сарык-повязку, носят такую же зеленого цвета. Лицо у нашей куклы темно-коричневое, черные брови, седые усы и борода. От шапки спускаются на плечи разноцветные лоскутки; длинный подпоясанный халат; через левое плечо на ремне висит сосуд из тыквы.

Три, связанные вместе, куклы изображают уличных воров; из них один называется „Хамит-кишик-огры“—„Хамид-косой вор.“ В черной барашковой шапке; красное лицо, черные брови, глаза и рот. Голубой с позолотой халат, кумачевый пояс; рукава завязаны спереди узлом. Все три куклы связаны желтым шнуром за шеи и выводятся в пьесе сразу.

Необходимый участник туркестанской жизни—осел „ишак“ также нашел себе место (рис. 20); впрочем тут он больше похож на жирафа, благодаря непомерно длинной шее; светло-голубого цвета, ноздри красные.

В дополнение к танцовщицам, описанным раньше, артистическое сословие фигурирует еще в виде жонглеров и акробатов. „Баш-пулат дор-баз“—„Баш-пулат канатный плясун“ (дор—канат)—тряпичная кукла, голова из папье-маше; красная шапочка с меховым околышем и кисточкой из черных лент. Белое нарумяненное лицо, белые подрисованные глаза. Серая, в обтяжку, фуфайка с красным кружком на груди; черный пояс, красные панталоны. В руках держит деревянную белую палку для равновесия.

„Ариф-Джарчи коза баз“—„Ариф-Джарчи жонглер горшком“ (коза—горшок). (рис. 33). Деревянная кукла в низкой барашковой шапке. Коричневое лицо, черные глаза. Белый с синими полосками халат, красные пояс и наплечники вроде погон; желтые с красной оторочкой панталоны. В руке на веревке белый деревянный чурбан, заменяющий глиняный горшок.

В пару ему, его партнерша „Айша-Хатун алма-баз“—„Госпожа Айша, жонглерша яблоками“. Тряпичная кукла, картонная голова в алой повязке. Черные женские волосы, белое нарумяненное лицо, зеленые глаза. Кумачевая кофта с желтыми шелковыми рукавами, зеленая шелковая юбка. В руке на веревке два красных деревянных шарика, заменяющие яблоки.

Кроме туземных артистов есть еще иностранцы; так „Паранги- (фиренги)-моталакчи“—„европеец-акробат“. Фиренги-френг-франк европеец вообще, непременный персонаж и в Карагөзе, но там он на других ролях. Наш европеец-акробат, мягкая кукла тряпичная с картонной головой. Туловище обтянуто розовой материей-трико, коротенькая голубая юбка с лиловым поясом; черные матерчатые туфли. Его партнерша „Паранги-могалакчи-кыз“—рыжие волосы, зеленые глаза; черное трико, красная короткая юбочка.

Из нетуземцев фигурируют еще русские, персы и китайцы. Первые—это солдаты „урус-сарбаз“ (рис. 35). Их несколько. У нас на фотографии двое. Это парные деревянные куклы в белых барашковых шапках с красным дном; лица белые; глаза у одного желтые, у другого черные; черные усы из шерсти; одеты они в кителя с голубыми погонами и воротником, красные шаровары и высокие черные сапоги. На правом плече деревянные ружья.

Перс, „Персиан,“ (рис. 37) в черной барашковой шапке. Лицо смуглое, брови, борода и усы из черной шерсти. Одет в зеленый халат с позументами; у левого плеча две медали; клетчатые шаровары. Руки сложены на животе, что характерный и обычный жест у персов.

Рядом с раньше описанным доктором Батыршиным стоит его коллега „Хтай-дохтур“—„Китайский доктор“ (рис. 22). Он в голубом с зеленым околышем колпаке; лицо темное, свирепого вида; зеленые глаза; длинные, книзу, усы, брови и сзади коса-седые; на нем голубой халат, с золотым позументом накрест спереди; бархатные рукава, зеленый воротник.

Его соотечественники—китайские солдаты „Хтай сарбаз“ (рис. 36) с типичными косыми глазами; у одного желтые, у другого черные. Черные низкие шапки с синим околышем и золотыми кисточками. Длинные, книзу, черные шерстяные усы; сзади черные, до пят, косы; рот разинут. Голубые, с белым подолом юбки украшены галуном; кумачевые рукава и розовые шелковые нагрудники; зеленые сапоги. На правом плече деревянные ружья.

Вот, в общих чертах, почти весь тот материал, которым мы располагали. Смее думать, повторяю, что и эта беглая, может быть поверхностная, заметка с описанием устройства сартовского театра и его кукол будет не бесполезна для этнографов и турковедов, а самые снимки с витрин, возможно, представят интерес для музейных деятелей. Работа в области турецкого народного театра, лежащая перед специалистами, мне представляется так: после научного описания театра и разных турецких племен и анализа его репертуара, необходимо произвести будет сравнение всего добытого между собою, а затем установить связь, параллели и заимствования с Западом и Востоком.

Такая, правда, сложная и кропотливая, но благодарная работа даст, несомненно, большие результаты, как во всеобщей истории народной литературы, так и по истории театра, а кроме того, и по этнографии.

Эти результаты в свою очередь расширят безусловно наш горизонт, и многое из сферы туманных догадок и предположений станет фактом.

Август, 1920 г.

Н. Мартинович.

Т
ч
п
д
то
не
уй
др
Н.
в
вс
мед
ден
чал
общ